

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ФОЛЬКЛОРУ
И МИФОЛОГИИ
ВОСТОКА

М. И. Никитина

ДРЕВНЯЯ
КОРЕЙСКАЯ
ПОЭЗИЯ
В СВЯЗИ
С РИТУАЛОМ
И МИФОМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*И. С. Брагинский,
Е. М. Мелетинский,
С. Ю. Неклюдов (секретарь),
Д. А. Ольдерогге (председатель),
Э. В. Померанцева,
Б. Л. Рифтин,
С. А. Токарев,
С. С. Цельникер*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1982

Ответственный редактор
Л. Р. КОНЦЕВИЧ

В книге исследуется группа древнекорейских поэтических произведений VI—IX вв. (хянга) в связи с социальными функциями поэтического слова в корейской культуре в эпоху государства Силла. Учитывая особенности мифопоэтического мышления, свойственного древнекорейскому поэтическому творчеству, автор раскрывает глубинный смысл отобранных текстов и выявляет стоящую за ними особую систему представлений о мире, которая условно обозначается как «система облика». Рассмотрены также различные варианты ритуала, имеющего целью воздействовать на облик социально значимого лица, и в связи с этим — особая роль поэтического текста.

Н $\frac{4603020000-131}{013(02)-82}$ КБ-5-55-82

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», выпускаемая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» с 1969 г., знакомит читателей с современными проблемами изучения богатейшего устного творчества народов Азии, Африки и Океании. В ней публикуются монографические и коллективные труды, посвященные разным аспектам изучения фольклора и мифологии народов Востока, включая анализ некоторых памятников древних и средневековых литератур, возникших при непосредственном взаимодействии с устной словесностью. Значительное место среди изданий серии занимают работы сравнительно-типологического и чисто теоретического характера, в которых важные проблемы фольклористики и мифологии рассматриваются не только на восточном материале, но и с привлечением повествовательного искусства других, соседних регионов.

Серия была открыта вторым изданием книги В. Я. Проппа «Морфология сказки» (1969). В ряду книг, имеющих общетеоретическое значение, стоят такие, как сборник статей В. Я. Проппа «Фольклор и действительность» (1976), сборник «Типологические исследования по фольклору» (1975), монография Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа» (1976). Среди изданий серии, посвященных взаимодействию фольклора и литературы, следует упомянуть книгу Б. Л. Рифтина «От мифа к роману (эволюция изображения персонажа в китайской литературе)» (1979). Предлагаемая вниманию читателей монография М. И. Никитиной включает в себе исследование группы древнекорейских поэтических произведений VI—IX вв. (хянга) в связи с социальными функциями поэтического слова в корейской культуре в эпоху государства Силла.

Книги, ранее изданные в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»:

- В. Я. П р о п п. Морфология сказки. 1969.
Г. Л. П е р м я к о в. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). 1970.
Б. Л. Р и ф т и н. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»). 1970.
Е. А. К о с т ю х и н. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. 1972.
Н. Р о ш и я н у. Традиционные формулы сказки. 1974.
П. А. Г р и н ц е р. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. 1974.
Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. 1975.
Е. С. К о т л я р. Миф и сказка Африки. 1975.

- С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). 1975.
- Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. 1976.
- В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. 1976.
- Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. 1976.
- Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. 1976.
- Паремиологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). 1978.
- О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. 1978.
- Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. 1978.
- Б. Л. Рифтин. От мифа к роману (Эволюция изображения персонажа в китайской литературе). 1979.
- С. Л. Невелева. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. 1979.
- Е. М. Мелетинский. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Воруна. 1979.
- Б. Н. Путилов. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию группы поэтических произведений на древнекорейском языке — хянга. *Хянга*, или *санге норэ*, — «песни родной стороны» («песни Востока») — общее название поэтических произведений на родном языке, которое употреблялось в Силла (IV—VII вв.) и главным образом в Объединенном Силла (VII—X вв.) для обозначения поэзии своего государства в противоположность поэзии государства Тан (кор. *танси*), т. е. китайской поэзии VII—IX вв. Это название учитывало также наличие «танских стихов» и в самой письменной корейской словесности, которая изначально складывалась и развивалась в дальнейшем вплоть до XX в. как двуязычная¹.

Корейские тексты записывались на иду — китайскими пероглифами, путем комбинированного использования их значений и звучания. Оформление иду в единую систему письма, вызванное потребностями централизованного государства, традиция связывает с именем Соль Чхона (VII в.). Хянга записывались при помощи одной из его разновидностей — хянчхала. До наших дней сохранились тексты двадцати пяти хянга. Четырнадцать из них содержатся в историческом сочинении «Самгук юса» («События, оставшиеся от времен Трех государств»; 1285 г.) и датируются автором, буддийским монахом Ирёном, VI—IX столетиями. Каждая из хянга введена в небольшое повествование (иногда сюжетное), в котором рассказывается о том, кто, где, когда и по какому случаю ее сложил. Одиннадцать хянга, принадлежащих известному деятелю корейского буддизма Кюнё (917—973), сочинены им по мотивам одной из буддийских сутр². Они включены в «Житие Кюнё», составленное в 1075 г. Хёк Нёнжоном. Оба эти памятника написаны на ханмуне — так называли в Корее язык старой китайской литературы. Хянга содержат от четырех до десяти строк. «Десятистрочные» (к ним относятся и хянга Кюнё) состоят из трех строф: двух четырехстрочных и последней двустрочной, которая предваряется междометием.

Объединенное Силла, проявлением духовной культуры которого являются хянга, — первое в истории страны государство, утвердившее свою власть над всем Корейским полуостровом. Оно пришло на смену трем враждовавшим друг с другом государствам — Когурё, Пэкче и Силла. Утверждение центральной власти, последовательная политика первых правителей Объединенного Силла,

¹ См. об этом подробнее [63, 77—78].

² О проникновении поэзии на корейском языке в буддийский ритуал см. [63, 155—168].

направленная на развитие земледелия и объективно содействовавшая росту ремесла, внутренней и внешней торговли, привели к подъему экономики страны и расцвету культуры. В этот период достигают высокого уровня архитектура, скульптура, музыка, искусство танца, обогатившиеся за счет контактов государства с внешним миром, развивается самобытное ювелирное искусство, унаследовавшее традиции ремесел Силла, и т. д. Объединение трех государств, родственных этнически и по языку, под властью Силла способствовало кристаллизации тех культурных тенденций, которые были общими для трех государств, но прежде всего ярко выявило тенденции культуры, характерные именно для Силла. Это особенно заметно в области словесного творчества, высшим проявлением которого в период Объединенного Силла, по общему признанию, были хянга.

История и культура Объединенного Силла в последние десятилетия усиленно изучаются. Однако до сих пор нет достаточной ясности в ряде принципиальных моментов, в том числе в таком, как характер его идеологии. Она обычно представляется как некий конгломерат из конфуцианских положений, буддийских и даосских воззрений, некоторых местных верований. Как слав этих идей характеризуется и такое специфическое явление, как мировоззрение хваранов (букв. «юношей-цветов»), членов особой социальной организации, влиятельной в последний период Силла и позже. При этом, однако, не проясняется главное — характер местного элемента и его роль в господствующем мировоззрении эпохи.

Неясность в данном вопросе обусловлена, на наш взгляд, в значительной мере тем, что до сих пор не проделана реконструкция основных корейских мифов, не охарактеризован сколько-нибудь систематический слой мифопоэтических представлений древних корейцев, нет исследований государственного ритуала Объединенного Силла. В прямой связи с этим находится и современное состояние изученности хянга, которые вот уже более полувека являются объектом пристального внимания науки.

В силу трудности расшифровки их текстов, связанных со способом записи, хянга в первое время изучались преимущественно с текстологической и лингвистической точек зрения. Сложилась основательная традиция их изучения³, начинателями которой по праву считаются Огура Симпэй, Ян Джудон, Хон Гимун, предложившие расшифровки текстов хянга, ставшие классическими.

В 60—70-е годы интерес к хянга резко возрос. При этом заметное место стали занимать работы, посвященные культуроведческой и литературоведческой проблематике. Корейские исследователи (основные исследования хянга ведутся в Корее), осваивая современную литературоведческую методику, используя подход

³ Одно из изданий называет около трехсот работ на корейском и японском языках, посвященных хянга [1276].

к древним культурам, предлагаемый в работах М. Элиаде, Ж. Дюмезиля и др., предпринимают настойчивые попытки проникнуть в глубинный семантический слой тех или иных хянга, который, по существу, до настоящего времени остается не раскрытым. Объектом внимания в основном являются поэтические произведения, помещенные в «Самгук юса», поскольку хянга Кюнё как специфически буддийские обеспечивают возможность недвусмысленной трактовки. Создается впечатление, что именно хянга из «Самгук юса» порождают у корейских исследователей ощущение нераскрытости текстов хянга, непознанности их в целом как явления, т. е. ощущение того, что «распалась связь времен» и ключ к пониманию своей древней культуры утрачен.

Своего рода штурм хянга, предпринятый в последние десятилетия, несмотря на ряд интересных работ⁴, пока не принес ощутимых результатов: не удается проникнуть в глубинный семантический слой отдельных хянга, не получают объяснения хянга в целом исходя из требований современной науки. Не последнюю роль в этом играет определенная «дискретность» подхода к хянга: каждое из произведений (или группа из двух-трех) рассматривается как изолированное явление, замкнутое в сфере буддизма, шаманизма и т. д. Такого рода подход (свойственный в известной степени и нашим ранним работам [63, 68—119; 68]) находится в связи со ставшим традиционным в корееведении представлением о духовной культуре Объединенного Силла как о сочетании разнородных элементов, о чем говорилось выше.

Между тем сопоставление ряда факторов, а именно: а) расцвет хянга в период сложения и укрепления единой корейской государственности, б) их письменная фиксация, в) их связь со специфической организацией хваран, поставившей специально обученных для управления людей — чиновников, одновременно выполнявших функции жрецов-поэтов, г) особое отношение к поэтическому тексту в это время (которое выяснилось в ходе предварительных исследований [68а и др.]), дало нам основание сделать следующие предположения:

1) несмотря на кажущееся несходство хянга, в них, по крайней мере в большинстве хянга из «Самгук юса», отражена некая общая картина мира;

2) она носит мифопоэтический характер;

3) в ней воплощена система представлений о мире, ориентированная на воссоздание и поддержание космического порядка, что на Дальнем Востоке очень часто оказывалось почти тождественным созданию и поддержанию государственности.

⁴ Например, статьи Ким Ёльгю, рассматривающего некоторые хянга в связи с общими для Дальнего Востока мифопоэтическими представлениями [110а], Ли Джэсона [110а] и др.

Предположение о единой системе представлений о мире, лежащей в основе хянга, может быть весьма плодотворным. В связи с этим цель работы формулируется следующим образом: учитывая логику мифопоэтического творчества, раскрыть единый семантический слой отобранных поэтических текстов и выявить стоящую за ними систему представлений о мире.

Наши предварительные исследования некоторых хянга обнаружили их связь с неизвестным ритуалом, оперировавшим особым кругом категорий и отражавшим специфические представления о взаимоотношениях личности, социума и космоса. Это позволяет поставить следующие задачи, направленные на достижение цели работы:

- 1) реконструировать процедуру ритуала, с которым связаны хянга;
- 2) выяснить характер и функции поэтического текста (хянга) в ритуале;
- 3) выявить круг основных категорий поэтического текста и ритуала;
- 4) выяснить роль в ритуале поэта — создателя хянга.

Отправным моментом при рассмотрении вопроса о цели и задачах работы является факт объединения страны во второй половине VII в. под властью Силла. Основную причину победы именно Силла советская историческая наука видит в том, что в Силла дольше сохранялись устойчивые общинные отношения по сравнению с Пэкче и Когурё, где более раннее развитие государственности «раньше привело и к обострению социальных противоречий, ослабивших позиции господствующего класса Когурё и Пэкче перед лицом внешней агрессии» [34, 86]. Одержало победу феодальное государство, хотя и складывавшееся в условиях постоянных войн, но образовавшееся по гражданско-бюрократическому образцу, которое сумело мобильно приспособить наследие племенного общинного уклада к своим нуждам.

Одним из инструментов приспособления этого наследия к новым социально-политическим условиям явился институт хваран. Институт уходит корнями в глубокую древность, к половозрастным объединениям, известным у племен, населявших Корейский полуостров. В Силла по мере сложения и укрепления государственности они постепенно превратились в особый социальный институт, ведавший подготовкой кадров для государства, перед которым стояла задача выжить и победить в очень тяжелой борьбе с сильными противниками: с непосредственными соседями Пэкче и Когурё, а также с танским Китаем. В принципе институт хваран выполнял те же функции, что и институт конфуцианства в Китае: поставлять государству специально обученных для управления людей. Однако базировался он на другой — мифопоэтической основе.

В период Силла и Объединенного Силла система хваран была сформулирована по иерархическому принципу. Низшая ее ячейка — школа хваранов-учеников, группировавшихся вокруг наставника. Такая школа могла объединять от нескольких учеников до нескольких десятков или сотен учеников. Иерархия наставников-хваранов в настоящее время недостаточно ясна, однако известно, что руководил организацией глава хваранов, который назначался государем и пребывал в столице⁶.

Корейские памятники, в которых содержатся сведения о системе хваран, уделяют особое внимание отношениям наставника и ученика. Наставник заботился о физическом, умственном и нравственном воспитании ученика, стоял на страже его интересов в случае допущенной кем-либо по отношению к ученику несправедливости и т. д. Ученик же должен был повиноваться наставнику, в свою очередь, заботиться о нем и т. д. Однако наставник-хваран мог рассчитывать на преданность ученика только при соблюдении им самим определенных нравственных норм, которые в общих чертах определялись пятью заповедями хваранов, сформулированными в начале VII в. Вонгваном: «Государю будь предан; к родителям будь почтителен; другу будь верен; сойдясь в бою с врагом, не отступай; убивая живое, будь разборчив (то есть подумай, надо ли это делать)» [104, 436].

Организация хваран прививала нормы поведения в коллективе, отвечала за физическую тренировку юношества, воинскую подготовку. Ученики получали сведения из области китайской традиции. Среди знаний и умений хваранов особо отмечается их приобщение к «великой основе того, как управлять государством» [104, 368], — тезис, который в настоящее время понимается не очень отчетливо. Между тем не исключено, что это знание хваранов было связано с выполнением ими жреческих функций. Хвараны, жрецы-поэты, ведали «танцами и песнями в государстве». Они были хранителями и творцами национальной поэтической традиции. В среде хваранов, по всей вероятности, окончательно отшлифовались те особые воззрения на поэтический текст, которые сложились в древней корейской культуре во времена Объединенного Силла.

Как показывают хянга и их контексты в «Самгук юса», поэтический материал нес функции управления. Так, согласно сообщению этого памятника, государь Кёндок-ван (742—764) обратился со следующей просьбой к известному поэту Чхундаму: «Тогда посодействуй мне, сложи хянга [такую, чтобы я мог] управлять, умиротворя подданных» [104, 185]; там же говорится, что в правление государя Кёнмун-вана (861—874) несколько хваранов высокого ранга, «втайне имея замысел посодействовать государю,

⁶ О различных предполагаемых вариантах организации системы хваран как иерархической см. [136, 111].

[чтобы он мог] управлять государством, сложили три хянга» [104, 205] и т. д. Очевидно, эти указания памятника являются своего рода расшифровкой тезиса о «великой основе того, как управлять государством»: хянга мыслились средством управления.

В ходе исследования выяснилось, что управление с помощью хянга осуществлялось исходя из представлений о магическом воздействии на мир текста хянга. При этом имелось в виду, что хянга должны быть сочинены жрецом-поэтом в процессе ритуальной церемонии. Многозначная по своему содержанию процедура ритуала сложения хянга прежде всего выполняла роль акта познания. И ритуал, и поэтический текст оперировали особыми категориями, которые служили познанию мира. Эти категории находятся во взаимосвязи и образуют единую систему.

Система ритуальных категорий, которые являются одновременно и поэтическими категориями, отражает особую совокупность представлений о мире, сложившуюся на мифопоэтической основе, обозначенную в работе как «система облика». Определяющими ее характер исходными моментами были воззрения на социально значимое лицо как на воплощение целостности и благополучия коллектива, а также как на воплощение сил космоса. Эти воззрения, закономерные для архаического общинного сознания, в древней корейской культуре проявлялись специфически: в ней уделялось повышенное внимание облику социально значимого лица — «старшего». Отсюда центральное место в системе облика занимает категория «облика», с которой соотносятся прочие категории — «души-сознания», «дороги» и др.⁶

Облик старшего подразумевал множество воплощений, например конкретно-физическое антропоморфное: в этом случае имелось в виду физическая целостность, здоровье, красота, определенные нравственные качества старшего и т. д. Подразумевал он и социальное антропоморфное воплощение: в этом случае имелось в виду включение в облик старшего зависимых от него «младших» на правах членов его тела (рук, ног, глаз и т. д.).

Каждый старший являлся младшим по отношению к следующему лицу, социально более значимому. Последним звеном и вершиной этой пирамиды был государь. Младший, как полагалось, не имел своего облика как целого. Он мыслился частью облика старшего, иногда выступая и в роли носителя магического зеркала — «души-сознания», отражавшей облик старшего и хранившей в себе идеальное его состояние.

Облик старшего (а соответственно социум и космос) мог меняться под воздействием различных причин. Система облика учитывала, например, такую актуальную для древнекорейского государства ситуацию, как вторжение врага. При этом полагалось,

⁶ Все категории по мере их ввода берутся в кавычки, в дальнейшем же употребляются без кавычек.

что враг также имеет облик, соответственно состоящий из старшего и соотнесенных с ним младших. Вторжение врага, от которого реально прежде всего страдал младший — погибал воин, попадал в плен землепашец, воспринималось как угроза облику старшего. Покушение на жизнь младшего понималось как отторжение части тела у живого человека-старшего, как нарушение целостности его облика. Отсюда ликвидация агрессии понималась как уничтожение облика врага во имя сохранения облика старшего. И на это направлялись ритуальные усилия и старшего и младшего.

Возможны были и другие причины изменения облика старшего. Но в каждом конкретном случае в процессе ритуального акта причину необходимо было установить и ликвидировать, вручив текст хянга тому, кто эту причину породил. В том случае, если облик старшего не менялся, пребывая в идеальном состоянии, сочинялась хянга, которая фиксировала идеальное состояние облика старшего, воздавала хвалу тому, от кого оно зависело, и которая тут же вручалась лицу (или его ритуальному дублеру), положительно повлиявшему на облик старшего.

Учитывая важность для ритуала точного выбора адресата, мы отобрали группу хянга из помещенных в «Самгук юса», так или иначе связанных с проблематикой облика, и классифицировали их по принципу адресата. В результате были выявлены следующие разновидности ритуала: а) ритуал, имеющий целью воздействие на облик отсутствующего старшего (ночной ритуал); б) ритуал изгнания врага, имеющий целью воздействие на облик врага, с тем чтобы оградить облик старшего, не дать нанести ему ущерб (ритуал, возможный в любое время суток как реакция на вдруг возникшую ситуацию); в) ритуал, имеющий целью воздействие на облик присутствующего старшего (дневной ритуал); г) ритуал, имеющий не явное (скрытое) отношение к проблематике облика, в котором адресатом выступает буддийское божество. Последний тип ритуала объединяет креолизованные варианты, возникшие на основе первых трех типов при воздействии буддизма.

В работе установлено, что ритуал воздействия на облик отсутствующего старшего базируется на шаманской ритуальной основе; ритуал воздействия на облик присутствующего старшего — на ритуале, воспроизводящем миф о Женщине-Солнце и ее родителях; в основу ритуала изгнания врага может быть положен ритуал, в котором воссоздавался миф о Стрелке-Солнце и двух хозяев стихий.

Ни тот, ни другой миф не известны науке. В то же время оба они, и прежде всего миф о Женщине-Солнце и ее родителях, являются основными слагаемыми древнекорейской культуры. Именно на них в значительной мере базировалась новая система представлений о мире, выполнявшая роль своего рода государственной

системы мировоззрения в конце Силла и Объединенном Силла. В связи с этим в работе наряду с самой системой облика большое место уделено двум упомянутым солярным мифам — дана их реконструкция, а также соответствующих ритуалов; прослежена их дальнейшая судьба в корейской культуре в связи с судьбой системы облика.

Поскольку в работе уделяется внимание социальным функциям поэтического текста, художественные особенности поэтического произведения как самостоятельная проблема остаются за пределами нашего внимания. Изложение в работе, как правило, построено следующим образом: после приведения поэтического текста и связанного с ним контекста следует его расшифровка на основе учета мифопоэтических представлений, сложившихся в древней корейской культуре. Обследовав таким образом интересующий нас круг поэтических текстов из «Самгук юса», представляющих поэзию периода Объединенного Силла, мы обратились к ряду поэтических произведений на корейском языке, сохранившихся от более позднего времени — периода Корё (X—XIV вв.), чтобы проследить судьбы традиций, заложенных в поэзии Объединенного Силла, в иных исторических условиях. Уяснив «историческую перспективу» их развития, мы постарались выявить в общих чертах корни тех культурных представлений, которые нашли отражение в хянга.

В работе затронут достаточно широкий круг вопросов, связанных с древней корейской культурой. Поэтому в качестве дополнительного материала привлекаются источники самого различного характера на корейском, китайском и японском языках — исторические, этнографические, литературные. В связи с большим количеством привлеченных к рассмотрению текстов в работе заметная роль отводится такому вспомогательному средству исследования, как таблицы, которые позволяют «отжать» информацию, содержащуюся в текстах, сделать более наглядными выводы.

В процессе работы нам приходилось обращаться к текстам мифологического характера, шаманским, историческим и т. д. для выявления в них общих структур. В этих случаях мы опирались на подход к текстам и методику обращения с ними, которые предложены в трудах отечественных исследователей, прежде всего А. А. Потебни, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг, В. Н. Топорова.

SUMMARY

The present work is a study of old Korean poetry in the context of cultural problems. Our preliminary examination of separate *hyangga*, ancient Korean poems appearing in *Samguk yusa* (1285) (and dated between the sixth and ninth centuries) led us to the following conclusions:

(1) despite their differences, the *hyangga*, at least most of those in *Samguk yusa*, reflect a certain general picture of the world;

(2) this picture is of a mythopoetic nature;

(3) it represents a system of concepts of the world oriented towards the recreation and preservation of a cosmic order, which in the Far East is often tantamount to the creation and preservation of a given state.

Supposing that the assumption of a single system of concepts of the world underlying the *hyangga* can prove productive, we have formulated the goal of this work in the following terms: To reveal a common semantic layer of selected poetic texts and the underlying system of the concepts of the world, proceeding from the logic of mythopoetic work.

Our study of the *hyangga* from *Samguk yusa* and a considerable body of texts in the Korean, Chinese, Japanese and other languages resulted in the following:

(1) We have revealed a common semantic layer of the *hyangga* reviewed by us, and this layer reflects a specific system of the concepts of the world, further referred to as «the system of appearance», a system initially determined by the attitude to a socially significant person as an embodiment of the integrity and well-being of a group as well as an embodiment of cosmic forces.

(2) Natural in an archaic communal society, these attitudes in ancient Korean culture manifested themselves in special attention paid to the appearance of a socially significant person, a «senior», who was regarded as identical to society and the universe. Therefore, central to the system of appearance is the category of *chūs* («appearance»). Related to it are other categories, such as the category of «soul-consciousness», and of «path», that are at the same time

ritual and poetical. The «appearance of the senior» is a category that presupposes both a totality of definite characteristic of the senior's personality and the unity (identity) of the «senior» with «juniors», i. e. people who depend upon him socially but have no «appearance» of their own. Every «senior» is a «junior» in relation to another person of greater social significance than himself. At the top of this pyramid is the sovereign.

The appearance of the «senior» is dynamic; it changes depending on the actions of the «senior» himself, of the «junior» or of the «enemy» with an appearance similar to that of the «senior». If damage is done to the appearance of the «senior», it may be restored by means of a ritual.

(3) Ritual is a means of influencing the appearance of the «senior» and, hence, society and the universe. In the course of the ritual, the appearance of the «senior» is perceived and a *hyangga* is composed to serve as a means of influencing this appearance. The appearance is perceived by way of comparing its various manifestations (anthropomorphic, luminous and vegetable).

Depending on the recipient of the *hyangga*, the ritual influencing the appearance can be of several types that differ from one another in time-space terms. Three types of this ritual are reconstructed in the present work. They are: (a) the ritual of influencing the appearance of an absent senior; (b) the ritual of expelling the enemy; and (c) the ritual of influencing the appearance of the present senior. The study also considers the fourth type of the ritual, one that combines the creolised variants stemming from the first three types of this ritual and is addressed to a Buddhist deity;

(4) *Hyangga* is a means of controlling, by magic, the appearance of the senior and, hence, society and the universe. The *hyangga* poems were composed and performed (and occasionally even recorded) during the ritual. When the ritual ended, the text of the *hyangga* was handed over (in writing or orally) to a person whose action had caused a change in the appearance of the senior.

The text of a *hyangga* includes a description of the state of the appearance at the given moment as conceived during the ritual. The fixation in the *hyangga* text of changes in the appearance of the senior was supposed to restore its normal state; the fixation of its ideal state ensured that the appearance would remain unchanged in the future.

The authors of *hyangga* and the priests administering the ritual were mostly *hwarangs*, i. e. members of a special social organisation called *hwarang*, which was quite influential in Late Silla (7th-10th centuries).

(5) The system of appearance is a historical phenomenon. It came into being as a result of a synthesis of the main components of ancient Korean spiritual culture; the burial complex, from

which the very notion of appearance emerged, shamanic notions, solar myths, etc. Our research has established that the ritual of influencing the appearance of the absent senior stems from shamanic rituals; the ritual of influencing the appearance of the present senior is based on the ritual recreating the myth of the Female-Sun and her Parents; the ritual of expelling the enemy was sometimes derived from the ritual recreating the myth of the Archer-Sun and two Masters (of the Water and the Earth). Both these myths are unknown to scholars. The work reconstructs both myths and respective rituals and shows their role as the principal components of old Korean spiritual culture, the myth of the Female-Sun and her Parents especially.

(6) The system of appearance took shape during the period of the establishment of the Old Silla state in response to the need for a centralised state with strong communal traditions to have a single system of world outlook that could ensure a smooth functioning of the state mechanism and, in fact, for the institution of *hwarang* as a vehicle of this world outlook. The system of appearance reached its heyday in Late Silla, when it apparently served as the state outlook until the mid-8th century. The ritual based on the system of appearance survived in Korean culture until the 20th century.

One can suppose that the system of appearance greatly conditioned the nature of Korean spiritual culture in ancient times and subsequent periods and determined the acceptance of Confucianism, Buddhism, Taosism, and Chinese imperial ideology.

(7) Despite its considerable specific features, the system of appearance is quite congruent with the general Far Eastern cultural context. Some of its aspects have parallels in the cultures of South-East Asia and Oceania.

The structure of the present work is determined by its objectives and tasks, the nature of the material and the degree to which this material has been studied. The work consists of an introduction, three parts (the first two divided into chapters) and a conclusion. In the first part the above-mentioned conclusions are made, based on an analysis of the *hyangga* and additional texts. In the second part these conclusions are specified and checked against Korean texts dating from the period between the 12th and 14th centuries, and the history of the Silla ritual is traced in the Koryō period (10th to 14th century).

Our examination of the Koryō-period-dated texts helped clarify several aspects of the system of appearance not too well preserved in the available *hyangga* and, what is more, to show that the Korean poetical texts of that period treated the relationship between the senior and junior mostly in terms and categories evolved by the Old Silla and Late Silla rituals.

The third part examines the roots of the system of appearance, which apparently stem, above all, from the burial ritual, within which the notion of appearance itself was evolved in still earlier times.

The education of the system of appearance changes substantially our notions of the cultural-ideological complex of Late Silla and its specific features, and, therefore, of the sources of traditional Korean culture.

От редколлегии	5
Предисловие	7
Раздел I. Поэзия на корейском языке в период Объединенного Силла (VII—X вв.) в связи с ритуалом и мифом	15
Глава 1. Хянга в ритуале, имеющем целью воздействие на облик отсутствующего старшего	15
I. «Славлю хварана Кипха» и «Песня о кедре»	15
II. «Песня о хваране Чукчи»	51
Глава 2. Хянга в ритуале изгнания врага	60
I. «Песня о разбойниках»	60
II. «Песня Чхоёна»	63
III. «Песня о разбойниках» и «Песня Чхоёна» в связи с взаимоотношениями облика старшего, младшего и врага	82
Глава 3. Хянга в ритуале, имеющем целью воздействие на облик присутствующего старшего	83
I. «Старик преподносит цветы» в связи с дневным ритуалом единения младшего с обликом старшего	83
II. «Старик преподносит цветы» в связи с архаическим ритуалом и мифом о Женщине-Солнце и ее родителях	91
Глава 4. Хянга, имеющие целью воздействие на облик присутствующего старшего, в составе буддийского обряда	177
I. «Песня о Кваным»	177
II. «Песня о небе Тушита» и ритуальный контекст («верхний» слой)	179
III. «Песня о небе Тушита» в связи с «глубинным» слоем ритуала и мифом о Стрелке-Солнце и двух хозяевах стихий	181
Раздел II. Традиции ритуала Силла в поэзии периода Корё (X—XIV вв.)	232
Глава 5. Представления о связи младшего и старшего в каё «Песня о резце и камне» и хянга «Старик преподносит цветы»	232
Глава 6. Представления об облике в каё периода Корё и традиции древности	243
I. Представления об облике в каё «Песня Чхоёна» и театрализованном действе, во время которого она исполнялась	243
II. Представления об облике в каё «Тон-дон» (XII в.) и ее отношение к предшествующей традиции	260
Глава 7. Представления о душе-сознании в хянга и поэзии периода Корё	274
I. Душа-сознание в хянга	274
II. Душа-сознание в песне «Скорблю о двух военачальниках»	275
Глава 8. Представления о душе-жизни и посмертных возможностях личности в хянга и каё	283
Раздел III. Местные истоки «системы облика». Взаимоотношения погребального ритуала, шаманских представлений и солярного мифа. Переходные варианты	290
Заключение	309
Список использованной литературы	315
Summary	323

Марьянна Ивановна Никитина
ДРЕВНЯЯ КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
В СВЯЗИ С РИТУАЛОМ И МИФОМ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор Н. Г. Михайлова
Младший редактор Т. Н. Толстая
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Г. А. Никитина
Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14284

Сдано в набор 02.09.81. Подписано к печати 23.06.82. А-11183. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская №1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 20,5. Усл. кр.-отт. 20,5. Уч.-изд. л. 22,75. Тираж 4600 экз. Изд. № 5015. Зак. № 1024. Цена 2 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 10